

9. Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 г. Библиографический указатель. Выпуск третий. Факультеты: Исторический, Филологический и Факультет журналистики. – Москва : Изд-во Московского университета, 1960. – 203 с.
10. Ежегодник диссертаций. 1936 год. Год издания 1-й. – Москва, 1938.
11. Ежегодник диссертаций. 1937 год. Год издания 2-й. – Москва, 1940.
12. Кричевский, Г. Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918) : справочное пособие / Г. Г. Кричевский ; составление, предисловие, научная редакция и посмертное издание А. Н. Якушева. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2004. – 342 с.
13. Юмашева, Ю. Ю. Историография просопографии / Ю. Ю. Юмашева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2005. – № 39. – С. 95–127.

Алеврас Н.Н.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ МОТИВЫ ДИССЕРТАЦИЙ ИСТОРИКОВ 1940-Х ГОДОВ: ИЗ ОПЫТА ИХ ЗАЩИТ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ¹

Формирование советской диссертационной системы, несмотря на драматизм социокультурной и общественно-политической ситуации в России первой половины XX века, содействовало актуализации источниковедческих обоснований проблематики защищаемых диссертаций. Они могли иметь выраженный и осознаваемый диссертантами и их оппонентами характер, или проявляться в несколько латентной форме. Без сомнения, в этот период вопросы, связанные с подготовкой текстов диссертаций не мыслились вне проблем опоры защищаемых исследований на источниковую базу как доказательную систему их научной состоятельности. Но с учетом различий в уровнях научных квалификаций представителей сообщества ученых этого времени каждая диссертационная история получала собственное источниковедческое выражение.

С позиций классики источниковедческого подхода значимыми фактами исторической науки стали докторские диссертации М.Д. Приселкова и А.И. Андреева, защищенные соответственно в 1939 г. (ЛГУ) и 1940 г. (Институт истории РАН). Их авторы, опираясь на традиции своих дореволюционных учителей, заложили некий канон современного им источниковедческого исследования [1, с. 205–207].

В поле зрения предлагаемого сюжета являются диссертанты, представлявшие на фоне ученых «старой школы» молодое поколение советских историков – В.В. Мавродин (1940), А.В. Эммаусский (1941), С.Л. Пештич (1944)². Из них лишь работу Пештича можно рассматривать как задуманную в рамках источниковедческой парадигмы, хотя она оказалась на стыке источниковедческой и историографической проблематики. Две первые из названных работ по тематике являлись конкретно-историческими исследованиями, но получили все же специфическую источниковедческую подоплеку.

Докторская диссертация 32-летнего Мавродина [2] была им представлена в виде рукописи объемом в 736 с. [7, л. 9]³ и тезисов к диссертации [3, с. 1–15]. Автор акцентировал внимание на использовании им «малоизвестных» и «малоизученных письменных источников», но конкретно не обозначил их [2, с. 1–2]. Свой подход он рассматривал в качестве обоснования поисков новых ракурсов в изучаемой проблематике. Акцентируя в тексте работы факт «преобладающего» использования им археологического и лингвистического «материала» [2, с. 2], в тезисах он рассматривал его лишь как «подспорье к историческому документу» [3, с. 2]. Целенаправленно демонстрируя свой интерес и к памятникам III–II тыс. до н. эры, и к культурам «полей погребальных урн» I–V вв. н. эры [3, с. 4–5], прежде чем выйти к периоду русского средневековья, обеспеченному уже письменными источниками (летописями, в первую очередь), Мавродин так и не прояснил круг видов используемых «вещественных» и письменных источников. Нельзя не заметить и того, что в его диссертации преобладали ссылки на исследования, а не на источники [2, по тексту].

Из трех оппонентов Мавродина – профессоров И.И. Яковкина, Б.Д. Грекова, В.И. Равдоникаса – отзыв последнего отличался критическими источниковедческими акцентами [7, л. 28–37 об.].

Поскольку диссертант вел исследование с «древнейших времен» и не раз ссылался на вещественные памятники, постольку опытный археолог Равдоникас, апеллируя к периодам палеолита, неолита, мезолита, обнаружил немало пробелов диссертанта в знании и древней природно-географической ситуации изучаемой территории, и особенностей её археологических памятников. Апелляция диссертанта к понятию «древнейшие времена», считал оппонент, налагала на него «ответственность» быть сведущим в проблемах изучения древней истории племен левобережья Украины, учитывать специфику археологических памятников и выводов археологов. Оппонент упрекнул

¹ Выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00557.

² В скобках обозначены годы защит диссертаций.

³ Подчеркну: тексты рукописей диссертаций не входили в состав дел по их защитах. В данном архивном деле имеются отзывы оппонентов, но нет обязательной стенограммы защиты, что не дает возможности в точности воспроизвести позиции диссертанта и **всех** участников дискуссии.

соискателя за неточность обоснования хронологии темы, отсутствие попыток раскрыть исторический смысл заданного временного диапазона. Фактически, он констатировал, что его познания в области археологических культур оказались недостаточно глубокими.

Но упрекая Мавродина в неточностях понимания культур палеолита и неолита, Равдоникас все же заметил, что в ряде мест своей работы диссертант «прекрасно» использовал археологический материал и полагал, что он мог бы последовательно осуществлять анализ источников археологической природы [7, л. 32об.]. При этом оппонент не касался проблем использования автором источников IX–XIV вв.

В соответствии с замыслом диссертации, критика Равдоникаса представляется закономерной и убедительной. Вероятно, она могла послужить неким источниковедческим уроком для диссертанта.

Историю защиты в мае 1941 г. кандидатской диссертации 43-летнего А.В. Эммаусского, работавшего в Кировском пединституте, предварял отказ в апреле 1940 г. принять к защите первый ее вариант под названием «Мстислав Удалой» [6, л. 18]. Это решение было принято истфаком ЛГУ на основе 15-ти страничного отзыва М.Д. Присёлкова, представленного им в марте 1940 года [6, л. 45–53об.].

Эксперт показал, что главные изъяны научного подхода автора связаны с отсутствием у него представлений об истории летописания и достаточного опыта в области интерпретаций текстов летописей, положенных в основу предложенного варианта диссертации. Он подчеркнул, что соискатель понял «свою исследовательскую задачу, как пересказ летописных текстов<...>». Присёлкову претили в связи с этим «произвольные» истолкования автором текстов летописей, не соответствовавшие их смыслу, а также профанный, по сути, подход к отбору и изучению специальной научной литературы, которую он по-ученически также преподносил на уровне пересказа. Ясно было, что диссертант не получил опыта должного научного руководства. Дав ему своим отзывом «мастер-класс» научного понимания древнерусской истории и принципов источниковедения, Присёлков отметил ряд позитивных качеств исследователя, предлагая ему не отказываться от «дальнейшей работы» [6, л. 45об., 50об. – 52об., 53].

Эммаусский последовал его совету, и уже в декабре 1940 г. представил в ученый совет истфака новую диссертацию на тему «Битва при Калке». Из текста его заявления [6, л. 94–94об.] следует, что он встречался с Присёлковым, который и определил стратегию переработки текста. Он же предложил сосредоточиться на теме битвы при Калке, одним из героев которой являлся Мстислав Удалой. Имеющиеся тезисы диссертации [6, л. 22–26] убедительно свидетельствуют следованию «уроков» знаменитого историка, ставшего, фактически его научным крестником. Они демонстрируют последовательно реализуемый диссертантом преобладающий источниковедческий подход, заложенный им в освещение большинства сюжетных линий диссертации. Его официальными оппонентами стали историк русского летописания Н.Ф. Лавров и знаток источников позднего русского средневековья И.И. Смирнов, подчеркнувшие источниковедческие акценты диссертации как особую заслугу диссертанта. В последующей творческой жизни историка летописи останутся предметом его особого внимания. В частности, Эммаусский работал над темой «Никоновская летопись как памятник исторической литературы XVI века» [4].

Защита кандидатской диссертации «“История Российская” В.Н. Татищева как исторический источник» 30-летнего С.Л. Пештича, работавшего под патронажем М.Д. Присёлкова, а потом – С.Н. Валка, была одним из первых советских опытов как в области изучения творчества Татищева-историка, так и в постановке источниковедческой проблематики, обращенной к изучению методов работы Татищева с источниками. Отсутствие текста рукописи диссертации затрудняет изучение позиции историка, занятой им в 1944 г. по заданной проблеме, до сих пор остающейся дискуссионной. В составе документов его диссертационного дела [5] нет также текстов выступлений самого диссертанта и полного протокола защиты. Отзывы оппонентов (В.В. Мавродина и Н.Г. Сладкевича), как и руководителя соискателя – С.Н. Валка, не присутствовавшего на защите, представлены в трудно читаемых рукописях.

Ведущий тренд дискуссии задал Мавродин [5, л. 6–15об.], признавший в соискателе несомненный исследовательский талант и высоко оценивший факт обнаружения им неизвестных ранее рукописей «Истории Российской». Но он критиковал используемые им методы изучения труда Татищева, приведшие, по его мнению, к «разрушительным» последствиям для восприятия образа ученого, полагая, что диссертант «сбросил Татищева с пьедестала», как основателя русской исторической науки. Эмоционально выступая против «гиперкритики» соискателя, он упрекал его в отсутствии попыток найти у Татищева «зерно истины» и стремления представить некий сбалансированный образ историка. Подверг он сомнению и идею Пештича рассмотреть труд историка как исторический источник.

Любопытны и общие суждения Мавродина о состоянии источниковедения на современном ему этапе: «К сожалению, в исторической литературе последних десятилетий, когда искусство критики источника достигло совершенства, появилось направление, всячески старающееся опровергнуть чуть ли не каждое сообщение древних летописцев...» [5, л. 9об.].

Подобную линию продолжил и Сладкевич [5, л.16–18об.], подчеркнувший (вероятно, в виде комментария), что диссертант, отталкиваясь от опыта дореволюционной науки, взялся посмотреть на заданную тему «глазами историка-марксиста». Упрекнул он его за отсутствие в диссертации «фона» эпохи, изучения общих обстоятельств деятельности Татищева и не принял наблюдения диссертанта о неспособности историка 18 века уловить различия между источником и исследованием. Оппонент полагал, что многие упреки Пештича к методам работы Татищева не обоснованы, полагая необходимым учитывать факт соответствия культуры научной деятельности человека XVIII века условиям его эпохи. Не соглашался он с Пештичем и в том, что «История Российская» Татищева рассмотрена как источник, а не как историческое исследование.

Из текста весьма краткого протокола [5, л. 19–19об.] ясно, что дискуссия проходила в напряженной обстановке не совпадающих оценок труда диссертанта. В частности, О.Л. Вайнштейн не убедили выступления оппонентов: он подчеркнул ценность «критического» подхода и идей диссертанта, а также перспективы изучения заданной проблемы. В заключительном слове Пештич отметил, что считает Татищева «выдающимся русским историком», а исследуемая им проблема окажет «помощь» историкам и имеет значимость для её дальнейшей разработки.

Его последующая научная серия «Русская историография XVIII века» (докторская диссертация), органично включающая «татищевскую» тему в источниковедческом и историографическом ракурсах стала продолжением и неким итогом его диссертационной истории 1944 года.

1. Алеврас, Н. Н. Историки из дореволюционного прошлого в советской диссертационной системе: защиты докторских диссертаций М. Д. Прищёлковым (1939) и А. И. Андреевым (1940) / Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина // Диалог со временем. – 2022. – Вып. 80. – С. 205–222.
2. Мавродин, В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века) / В. В. Мавродин ; отв. ред. В. В. Яковлев ; статья А. Ю. Дворниченко. – СПб. : Наука, 2002. – 354 с.
3. Мавродин, В. В. Очерки истории Левобережной Украины с древнейших времен до второй половины XIV века : тезисы к диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / В. В. Мавродин ; под ред. В. Равдоникас. – Л. : Леноблгорлит, 7/III-1940. – 15 с.
4. Судовиков, М. С. Историк-эпоха: учёный, определивший дату первого упоминания города Вятки... [Электронный ресурс] / М. С. Судовиков. – Режим доступа: <https://kirovpravda.ru/istorik-epoha-uchyonny-opredelivshiy-da/>. – Дата доступа: 04.03. 2023.
5. ЦГА СПб. – Ф. Р-7240. Оп. 12-2. Д. 1781.
6. ЦГА СПб. – Ф. Р-7240. Оп.12. Д. 1666.
7. ЦГА СПб. – Ф. Р-7240. Оп.12-1. Д.1351.

Артамонова Н.Я.
ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЧНОМ ФОНДЕ ХАКАССКОГО УЧЕНОГО
КОНСТАНТИНА ГРИГОРЬЕВИЧА КОПКОВА (1929–1987)

Информационно богатыми документами при изучении отечественной истории являются архивные фонды личного происхождения. Интерес к ним в последнее время значительно возрос. Так, только за 2022 г. в электронной библиотеке eLibrary появилось 1216 наименований публикаций, подготовленных на основе личных фондов [11, с. 1099].

Большой информационный ресурс для изучения проблем отечественной, в том числе, локальной, истории содержат фонды личного происхождения ученых. Нами просмотрен и проанализирован личный фонд хакасского ученого-историка Константина Григорьевича Копкоева (1929–1987) [7]. Документы этого фонда хранятся в Государственном казенном учреждении Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»). Объем фонда ученого 333 единицы хранения, составленных по тематическому признаку. Фонд содержит документы биографического характера, хотя их немного в описи. Это автобиографии, личные листки по учету кадров, характеристики, копии подлинных документов, почетные грамоты и др. Они выделены в самостоятельный раздел. Итак, мы узнаём, что К.Г. Копкоев родился 28 мая 1929 г. в с. Аршаново Алтайского района Хакасской автономной области (ХАО, с января 1992 г. Республика Хакасия) в семье крестьянина. С 8 по 10 классы он учился в областной национальной школе в г. Абакане и в 1949 г. поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Позднее он вспоминал: «Мое детство прошло в суровое время Великой Отечественной войны в 1941–1945 годы. В эти годы я учился в школе и в летнее и осеннее время помогал колхозу. За доблестный труд был неоднократно премирован в 1941 и 1942 гг. и награжден почетной грамотой райкома и райисполкома Усть-Абаканского района» [3, л. 5]. Получив высшее историческое образование, Константин Григорьевич вернулся в Хакасию. В течение нескольких лет (1954–1955; 1957–1967) он занимал должность младшего научного сотрудника и ученого секретаря в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ), затем работал доцентом кафедры марксизма-ленинизма в Абаканском филиале Красноярского политехнического института [3, л. 1–5].